

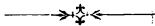
ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1915.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ЧЕТЫРЬМА РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лив., № 12.

1916.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

392. І. Нипшидзе, Грамматика мянгрельскаго (иверскаго) языка съ хрестоматією и словаремъ (Матеріалы по яфетическому языкознанію, VII), стр. XL+0150+424.

Это — новый выпускъ одной изъ серій, издаваемыхъ Императорской Академіей Наукъ. Чтобы освѣтить общее его значеніе, какъ труда, реально свидѣтельствующаго о наступленіи новой эпохи въ изученіи языковъ Кавказа, автору настоящихъ строкъ пришлось бы подойти вплотную къ общимъ проблемамъ и спеціальнымъ работамъ, слишкомъ близко къ нему стоящимъ, — къ проблемамъ, установившимъ за собою печальную славу частнаго его дѣла. Скользя по поверхности глубинъ этихъ многолѣтнихъ личныхъ научныхъ переживаній, отказываясь отъ мотивированной оцѣнки общаго значенія предлагающаго изслѣдованія въ яфетической теоріи, я могу лишь засвидѣтельствовать фактъ, что самимъ появленіемъ обсуждаемаго труда яфетическая теорія изъ частнаго становится общимъ дѣломъ научной школы и научнаго направленія, изъ-подъ легенды о личномъ ея значеніи начинаетъ уходить почва.

Давно пазрѣвшая и своевременная по потребностямъ отвлеченной лингвистической науки тема своевременна и по общимъ условіямъ современности нашей отечественной жизни. Вопросъ о Кавказѣ нуждается въ интересахъ правильнаго направленія его жизни на пользу и себѣ и общему нашему отечеству во всестороннемъ реально-научномъ освѣщеніи, не затемненномъ никакими традиціонно-національными, хотя бы мѣстно-національными, соображеніями.

Потребность безпристрастнаго освѣщенія лингвистическо-этнографической стороны этого вопроса въ настоящее время даетъ себя знать особенно сильно. Пожалуй, никогда эта потребность не чувствовалась такъ

остро, какъ въ послѣдніе годы, какъ сейчасъ. Въ частности мингрельскій (эгрскій) или иверскій языкъ объединяетъ лингвистически не только эгрцевъ (мингреловъ), обитателей Мингрелии, западной части Кутаисской губерніи отъ Ріона до р. Галидзги у м. Очемчиръ — по восточному побережью Чернаго моря, но и чановъ или лазовъ, обитателей Лазистана, восточнаго отрѣзка Трапезундскаго вилайета въ Турціи — по южному побережью отъ пункта у Батума, при писаніи этихъ строкъ служившаго еще границей, почти до Кемера, почти до Ризъ: Лазскій и мингрельскій собственно одинъ языкъ съ точки зрѣнія лингвистическихъ нормъ; это — два нарѣчія одного языка, но вслѣдствіе культурнаго разобщенія они разошлись до степени соотношеній двухъ языковъ. Моя *Грамматика чанскаго языка* лишь слабый опытъ сравнительно съ тѣмъ трудомъ, который посвященъ І. А. чемъ Кипшидзе мингрельскому языку. Я не сомнѣвался ни минуты въ томъ, что какъ бы насъ ни огорчало приближеніе вражескихъ силъ съ суши къ Батуму, совпавшее съ защитой авторомъ настоящей работы въ качествѣ магистерской диссертациі, мы бодро могли себя чувствовать, увѣренные въ конечномъ нашемъ успѣхѣ; наша увѣренность нынѣ обращается въ дѣйствительность, и мы уже можемъ предвкушать будущее наше культурное вступленіе въ Лазистанъ. И въ этомъ именно культурномъ движеніи трудъ І. А. Кипшидзе безусловно долженъ сыграть свою замѣтную роль.

Вполнѣ основательно г. К. выдвигаетъ выдающееся для своего времени значеніе работы, сейчасъ полезной, а въ свое время не понятой. Рѣчь о *Мингрельскихъ этюдахъ* проф. А. А. Цагарели. Есть всетаки утѣшеніе въ томъ, что нашъ, увы, единственный до сего момента университетскій рассадиикъ научнаго востоковѣдѣнія, факультетъ Восточныхъ языковъ, работу ту оцѣнилъ, удостоивъ автора, на основаніи ея, степени доктора грузинской словесности. Не менѣе утѣшительно, что руководящая роль въ этомъ дѣлѣ, хотя и черезъ тридцать лѣтъ и три года переходятъ непосредственно въ руки питомца русскаго, именно петроградскаго университета, того же факультета.

Есть какъ будто научныя работы по вопросу и на западно-европейскихъ языкахъ, на нѣмецкомъ и французскомъ. Г-нъ К. поступилъ правильно, обойдя молчаніемъ работу на французскомъ языкѣ, принадлежащую перу г. Ачаріана, хотя она помѣщена въ столь серьезномъ органѣ какъ *Mémoires de la Société de linguistique*. Но напрасно называетъ г. К. нѣмецкія работы г. Kluge и генерала Erckert'a. Въ серьезномъ научномъ дѣлѣ имъ нѣтъ мѣста. Я счелъ бы обидою для труда І. А. Кипшидзе самое сравненіе съ произведеніями такихъ, будемъ справедливы, научно совершенно неподготовленныхъ для даннаго предмета авторовъ.

Во всѣхъ трехъ частяхъ труда г. К. считается съ мингрельскимъ языкомъ, какъ со сложнымъ живымъ организмомъ въ совокупности его діалектическихъ разновидностей. Рѣзче бросается такая трактовка предмета въ *Хрестоматіи*. Здѣсь у него сами тексты классифицированы по говорамъ, сенакскому и самурзакано-зугдидскому.

Въ *Грамматикѣ* и особенно въ *Словарѣ* діалектическія изысканія внутри мингрельскаго не выражены въ формально наглядномъ распредѣленіи матеріала, но авторъ велъ эти діалектическія изысканія вплоть до подговоровъ, именно бандзійско-мартвильскаго подговора въ сенакскомъ говорѣ и джварскаго подговора въ самурзакано-зугдидскомъ говорѣ. Результатъ веденія этихъ, пока, естественно, зачаточныхъ діалектологическихъ разысканій на лицо въ отдѣльныхъ параграфахъ *Грамматики*, особенно въ части о фонетикѣ, и подъ отдѣльными словами въ *Словарѣ*.

Какъ всегда, г. К. констатируетъ наблюденный фактъ, ограничиваясь научнымъ опредѣленіемъ и установленіемъ предѣловъ его распространенія, но иногда значеніе такого діалектическаго факта выходитъ за предѣлы интересовъ не только мингрельскаго, но и вообще всѣхъ болѣе или менѣе чистыхъ представителей яфетической вѣтви языковъ. Такъ, напр. въ § 18 (стр. 024) указывается самурзакано-зугдидская діалектическая разновидность Дат. картскаго.

Дат. картскій или коренной грузинскій имѣетъ поразительно поучительную скитальческую исторію.

Отъ грузинскаго онъ воспринять всѣми яфетическими и нѣкоторыми не-яфетическими языками. Онъ получилъ распространеніе на всей площади нынѣшняго расселенія яфетическихъ языковъ, отъ Трапезундскаго вилайета, нынѣ въ предѣлахъ Турціи, до Дагестанской области на востокѣ. Онъ получилъ права гражданства въ языкѣ Лазистана, чанскомъ или лазскомъ, и въ тылу Сухума и Гагры¹⁾ — въ абхазскомъ языкѣ, а на востокѣ — въ языкахъ Дагестана и даже въ ингушскомъ и чеченскомъ, уже по эту сторону Кавказскаго хребта: въ Терской области. Вездѣ онъ звучитъ s, перерождаясь кое гдѣ, напр., въ чеченскомъ, въ звонкій сибиллянтъ z. Въ этомъ видѣ звукъ z, признакъ Д. картскаго появляется и въ Д. падежѣ армянскихъ мѣстоименій — *միզ* me-z *նամզ*, *ձեզ* de-z *զանզ*, *քեզ* ze-z *տեզ*, но тотъ же z, простой переднеязычно-зубной, почему-то въ армянскомъ же появляется въ видѣ его законѣрнаго сложнаго переднеязычно-зубнаго

1) Въ Род. падежѣ правильнѣе: «Гагры», ибо подлинная форма Им. падежа — «Гагра», а не «Гагры».

подъема \dot{d} въ Д. падежѣ личнаго мѣстоименія 1-го лица $\text{ʃʌ} \text{in-}\dot{d}$ *мнѣ*. Не только этотъ подъемъ — безъ параллели, но можетъ смутить и перерождение губного m въ переднеязычный n . И вотъ у г. К. отмѣчено такое же явленіе, именно, подъемъ сибиланта или простого переднеязычнаго зубнаго s , признака Дат. картскаго, въ ассбилованный \dot{s} или сложный переднеязычный зубной; г. К. это приводитъ на указанной 024-й страницѣ изъ самурзаканскаго говора. Болѣе того. Въ паузѣ при стеченіи звука s съ предшествующимъ губнымъ m такой подъемъ съ регрессивной ассимиляціею губнаго съ язычнымъ зубнымъ \dot{s} оказывается вообще обычнымъ въ мингрельскомъ, напр. въ Дат. $\text{ʃs} \text{ʃ} \text{ja} \text{p-}\dot{s}$, $\text{ʃʃ} \text{ʃs} \text{ʃ} \text{tu-ja} \text{p-}\dot{s}$ отъ основы $\text{ʃs} \text{ʃ} \text{ja} \text{m}$ *время*, т. е. въ тѣхъ же условіяхъ и съ тѣми послѣдствіями, что мы наблюдаемъ въ арм. $\text{ʃʌ} \text{in-}\dot{d}$ вм. ожидавшагося $*\text{in-}z$, собственно $*\text{im-}z$ ¹⁾.

Въ словарь г. К. удалось внести вразбросъ не менѣе цѣнные діалектологическіе матеріалы, какъ, напр., затемненіе звука œ о въ ʒ и при послѣдующемъ губномъ, собственно опять таки случай регрессивной ассимиляціи, но гласнаго съ согласнымъ. Послѣднее явленіе, по всей видимости, характерно для того же самурзакано-зугдидскаго говора, какъ это видно изъ такихъ словъ, какъ, напр., $\text{œ} \text{ʒ} \text{ʒ} \text{ʒ}$ *џа* *волосъ* при сенакскомъ $\text{œ} \text{œ} \text{ʒ}$ *џа*, $\text{œ} \text{ʒ} \text{ʒ} \text{ʒ}$ *џици* *ольха* при сенакскомъ $\text{œ} \text{œ} \text{ʒ} \text{ʒ}$ *џоти* и др.

Первая часть, *Грамматика*, несмотря на краткость, всего 150 страницъ въ 166-ти параграфахъ, по полнотѣ не оставляетъ ничего желать въ данный моментъ: въ ней г. К. исчерпалъ по существу всю своеобразную морфологию мингрельской рѣчи, а также главнѣйшія явленія ея синтаксиса и просодія. Конечно, фактически *Грамматика* г. К. — первый опытъ, но трудно согласиться признать ее качественно первымъ опытомъ. Она на меня производитъ впечатлѣніе труда, какъ вѣнецъ завершающаго цѣлый рядъ опытовъ и специальныхъ монографическихъ разысканій. Объясняю это тѣмъ, что г. К. удалось богатый грамматическій матеріалъ, плодъ личныхъ его повторныхъ наблюденій или провѣрокъ, умѣстить въ небольшое количество глубоко продуманныхъ и сжато выраженныхъ формулъ. Когда г. К. предлагаетъ матеріалъ, у него нѣтъ ничего лишняго ни въ отношеніи изложенія, ни по существу: онъ воздерживается отъ разсужденій, но не отъ сужденій; однако, къ нимъ г. К. прибѣгаетъ насъ путемъ искуснаго распределенія матеріаловъ, путемъ изложенія самихъ фактовъ, за себя говорящихъ, такъ, напр., въ § 21 (стр. 026—027) дается богатый фактический матеріалъ, свыше 20-ти примѣровъ, и всего двѣ строки скромнаго на видъ положенія; оно гласитъ: «усѣченный плавный исходъ œ [1] основъ при

1) Замѣчу попутно, что это — законъ, не чуждый и аварскому, гдѣ ms неизбѣжно перерождается въ na (Schiefner, *Versuch über das Awarische*, § 34).

образованіи мн. числа возстанавляется». Это не специалисту может показаться простымъ констатированіемъ наблюдаемаго явленія, на самомъ же дѣлѣ на лицо тутъ не столько фактически, сколько теоретически новое въ отношеніи мингрельскаго утвержденіе, такъ какъ плавный -l въ такихъ случаяхъ до сихъ поръ относилъ къ суффиксу мн. числа: совершенно неправильно создавалось мн. число на -leф вм. -еф.

Самый трудный отдѣлъ морфологіи мингрельскаго языка, какъ и всякаго ѳетическаго, глаголъ, у г. К. занимаетъ почти половину той основной части *Грамматики*, которая посвящена морфологіи (стр. 051—0114). И эту часть г. К. счѣмъ разработать такъ же мастерски и по полнотѣ наблюденныхъ явленій, и по ясности ихъ категоризаціи, какъ другіе, менѣе сложные отдѣлы.

Конечно, многія положенія теперь представляютъ общія мѣста грамматики каждаго ѳетическаго языка, существуетъ готовый подборъ категорій и формулировокъ, но г. К. ихъ заполняетъ богатымъ содержаніемъ изъ жп-вой рѣчи, дополняетъ и развиваетъ, ихъ измѣняетъ, а иногда или исправляетъ или вовсе отвергаетъ.

Когда по пути изслѣдованія г. К. попадается чей либо промахъ, онъ не щадитъ ни своего учителя, автора сихъ строкъ, ни своего товарища, такъ, напр. въ § 129, A,b (стр. 0130), въ вопросѣ о связи ᄆᄆᄆᄆᄆ ᄆᄆᄆᄆᄆ ᄆᄆᄆᄆᄆ *день луны*, собственно 2-й части -ᄆᄆᄆ -шᄆᄆ и основы абх. а-шᄆ-шᄆ *день* (въ чемъ, быть можетъ, буду упорствовать) или напр., въ вопросѣ о формѣ географическаго названія ᄆᄆᄆᄆᄆᄆ Le-ᄆᄆᄆᄆᄆ на стр. 368-й.

Не всегда матеріалъ поддается отлітію въ мотивированныя морфологическія формулы. Тогда г. К. ограничивается простымъ его описаніемъ, и описаніе это является исчерпывающимъ.

Для иллюстраціи я могъ бы остановиться на рядѣ случаевъ, какъ, напр., Дат. мѣст. -q (стр. 021—022).

Въ третьей части, *Мингрельско-русскомъ словарѣ* прежде всего исчерпывается лексическій матеріалъ текстовъ *Хрестоматіи*, исчерпывается какъ семасйчески, такъ въ основныхъ формахъ и многихъ деталяхъ морфологически. Въ тотъ же *Словарь* г. К. внесъ и результаты своихъ непосредственныхъ лексикологическихъ разысканій и записей у первоисточника, самого народа, въ лицѣ многочисленныхъ его представителей, изъ различныхъ слоевъ мингрельскаго населенія.

Г-нъ К. не забылъ использовать въ *Словарѣ* и тотъ лексическій матеріалъ по мингрельскому, который оказался у известнаго грузинскаго лексикографа Сулхала Орбелиани и у турецкаго писателя Эвлия-Челеби, а равно у европейскихъ путешественниковъ. Это не все. Въ *Словарѣ* г. К. внесъ

также этнографическіе матеріалы, собранные или по литературнымъ источникамъ или непосредственно изъ устъ народа, всегда съ точнымъ указаніемъ источниковъ. Наконецъ, въ *Словарь* г. К. всегда указываетъ на болѣе близкія родственныя параллели и особенно прототипы заимствованныхъ въ мингрельскомъ словѣ.

Въ сопоставленіяхъ у г. К. принимается во вниманіе сродство не только созвучныхъ словъ и корней, но и лишь семасически сближающихся выраженій, такъ, напр., на стр. 207 весьма кстати сопоставляются съ армянскими *արևելք* [arəwɛlɟ] *востокъ* и *արևմուտք* [arəwɪtuɟ] *западъ* мингрельскія эквивалентныя слова изъ бандзійско-мартвильскаго подговора сенакскаго говора — ბჟაიოღ [bʒaioɟ, б. м., bʒaʊoɟ?] и ბჟადააღ [bʒadaaɟ], сопоставляются, такъ какъ и въ армянскомъ и въ мингрельскомъ въ значеніи *востока* и *запада* появляются сложные слова, буквально означающія «восходъ солнца», «закатъ солнца».

Все лингвистическое по мингрельскому, что можетъ представить цѣнность для исторіи языка, а также исторіи культуры, г. К. не только заносить въ свой трудъ съ чутъемъ и наблюдательностью опытнаго изслѣдователя, но и освѣщаетъ.

Такъ, напр., въ § 18 (стр. 024) примѣчаніе представляетъ желанный вкладъ въ исторію грузинскаго языка: это архаическая форма Дат. картскаго (-as), самимъ грузинскимъ слабо сохраненная.

Или, напр., толкованіе (стр. 249) слова ჯაბა када: его отождествляли съ грузинскимъ ჯაბა каб-да *модей*, отъ ჯაბა каб-ი *человѣкъ*, на самомъ же дѣлѣ, какъ устанавливаетъ г. К., оно коренного мингрельскаго происхожденія и значить: *собраніе, сходъ, люди*; г. К. въ данномъ случаѣ найдетъ семасіологическую поддержку и въ армянскомъ, гдѣ ժողովուրդ [ʒoɟov-urd] значить *народъ, люди*, но собственно оно означаетъ «собраніе». И эта поддержка тѣмъ болѣе существенна, что арм. ժողովուրդ [ʒoɟov-urd] по корню и основѣ мингрело-лазскаго, т. е. иверо-чанскаго или тубал-каинскаго, происхожденія.

Или, напр., опять въ *Словарь* подъ ჯაბა ოპანი (стр. 386) г. К. не только приводитъ слово ჯაბა ოპანი букв. *чанскій* или «чанская посуда», съ указаніемъ его реальнаго значенія — «котель изъ мѣди», но попутно бросаетъ замѣчаніе о значеніи этого лингвистическаго факта для исторіи общечеловѣческой культуры, для вопроса о происхожденіи металлургическихъ терминовъ изъ яфетическаго міра, въ частности изъ Лазистана въ широкомъ значеніи этого географическаго названія, т. е. изъ страны халибовъ, откуда и основа χαλκ- самого греческаго слова χαλξ *мѣдь*, изъ страны кайнитовъ, что то же чановъ, откуда идутъ названія металловъ и преданія

объ ихъ происхожденія не только въ древней Греціи и на самомъ Кавказѣ, но и у семитическихъ народовъ¹⁾.

Однако, такія сближенія авторъ позволяетъ себѣ дѣлать въ безспорныхъ случаяхъ. Въ этомъ отношеніи осторожность и выдержка г. К. выше всякихъ похвалъ. Въ книгѣ г. К. едва-ли самому придирчивому критику удалось бы найти и тѣнь основанія для упрековъ въ *retitio principii*, а если что и оказалось бы, то развѣ въ утвержденіяхъ, восходящихъ къ его учителю по яфетической теоріи, пишущему настоящія строки. Въ г. К. нѣтъ той торопливости и нервности, которыя проявляются въ яфетидологическихъ работахъ піонера. Спокойствіе и увѣренность г. К. въ правотѣ дѣла вызываетъ въ немногочисленной смѣхъ сторонниковъ яфетической теоріи упованіе на болѣе свѣтлое ея будущее, а въ ея авторѣ и добрую зависть.

Благодаря всему отмѣченному мы получили такой трудъ по грамматикѣ и лексикографіи мингрельскаго языка, какого по сей день не имѣемъ въ печати, въ отношеніи научной обработки, и для грузинскаго языка, изученіе котораго длится сотни лѣтъ.

Въ *Хрестоматіи* г. К. дасть тексты, частью имъ собранные или чаще провѣренные, частью собранные его сотрудниками по данной имъ же инструкціи. Мы всегда узнаемъ, гдѣ собранъ текстъ, кѣмъ и отъ кого, притомъ съ указаніемъ возраста послѣдняго.

Распредѣленіе текстовъ по діалектическимъ особенностямъ принадлежитъ г. К. Иногда онъ перераспредѣляетъ матеріалъ, въ опроверженіе прежнихъ болѣе довѣрчивыхъ къ сказителямъ собирателей.

Въ дѣлѣ собранія мингрельскихъ текстовъ г. К. сумѣлъ заинтересовать длинный рядъ лицъ, сотрудничавшихъ ему. Эти лица — представители мингрельской интеллигенціи, близко стоящіе къ народу: такими сотрудниками мы видимъ студентовъ, воспитанниковъ духовныхъ училищъ и духовной семинаріи, сельскихъ учителей, священника, писателей, въ числѣ ихъ народнаго поэта, наконецъ, простыхъ обывателей мѣстечекъ въ Мингреліи.

Книгѣ предпослано введеніе въ изученіе мингрельскаго языка съ исторіею сего изученія и литературою предмета. За книгою не слѣдуютъ указатель къ *Грамматикѣ* и обратный русско-мингрельскій указатель къ *Словарю*, но мнѣ извѣстно, что нарочно допущенъ этотъ пробѣлъ, чтобы составить указатель общій и къ мингрельской *Грамматикѣ* и къ моея чанской *Грам-*

1) См. Н. Марръ, *О религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазовъ* (ХВ, IV, стр. 117 сл.).
Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XXIII.

матикъ и издать его самостоятельно въ той же академической серіи «Матеріалы для яфетическаго языкознанія».

Конечно, было бы хорошо приложить къ труду діалектологическую карту мингрельскаго языка. Это — нашъ общій дефектъ.

Не рѣшился бы я сдѣлать упрекъ г. К. въ томъ, что въ *Словарь* нѣтъ при каждомъ словѣ ссылки на мѣстонахождение его въ *Хрестоматіи*, а только въ сомнительныхъ и исключительныхъ случаяхъ. У насъ такъ много работы по существу, что пока, быть можетъ, цѣлесообразнѣе проходить мимо подобныхъ мелко формальныхъ требованій.

Недосмотры и спорныя вещи, конечно, имѣются и въ книгѣ г. К., но они или настолько незначительны и несущественны, что нѣтъ основанія долго на нихъ останавливаться, или характеризуютъ не трудъ и не автора, а общее состояніе нашей науки.

На стр. 01 (§ 1) читаемъ: «Грузинскій же алфавитъ, съ добавленіемъ двухъ послѣднихъ буквъ для обозначенія специально мингрельскихъ звуковъ..., въ совершенствѣ передаетъ въ письмѣ всѣ свойственныя мингрельскому языковому мышленію звуковыя представленія (фонемы), являясь въ этомъ дѣлѣ незамѣнимымъ никакимъ другимъ алфавитомъ».

Но вѣдь яфетидологическій алфавитъ на основѣ европейскихъ начертаній не хуже передаетъ тѣ же мингрельскія фонемы? Если же говорить о готовомъ, находящемся въ употребленіи, напр., грузинскомъ алфавитѣ, то нѣкоторыя затрудненія встрѣчаются и здѣсь. Въ ново-грузинскомъ алфавитѣ нѣтъ даже начертанія *ჟ*.

А, главное, транскрипція грузинскимъ алфавитомъ нѣсколько затруднила улавливаніе нѣкоторыхъ тонкостей мингрельскаго произношенія, напр., при зафиксированіи въ письмѣ мингрельскихъ полугласныхъ и мягкаго, я бы сказалъ, ютированнаго плавнаго *ღ* ჟ. Это естественно: грузинскія буквы приносятъ собою неразрывно съ ними связанную грузинскую литературную орфографію (въ примѣрно взятомъ случаѣ — ჟ 1 вм. ჟ 1), такъ какъ примѣненія грузинскихъ письменъ въ фонетическомъ записываніи діалектическихъ текстовъ, хотя бы грузинскихъ, пока у насъ нѣтъ.

На стр. 04 въ табл. II-й въ числѣ простыхъ звонкихъ приданныхъ показанъ согласный *ჟ*, а ниже, въ числѣ сонорныхъ, полугласный *ჟ*. Затѣмъ въ томъ же параграфѣ 2-мъ подъ рубрикою *ბ*) дается свѣдѣніе объ употребленіи полугласнаго въ *ბჟღჟღ* [ბჟღჟღ?] *убивать*, *წმწმ* *писать*, но затѣмъ мы нигдѣ не находимъ записи этого звука въ матеріалахъ г. К., даже тѣ же слова, напр. въ *Словарь*, написаны съ согласнымъ *ჟ*.

Звукъ *ჟ* г. К. называетъ въ *Грамматикѣ* (§ 6) полугласнымъ. Такъ думали и другіе, въ числѣ прочихъ и я, до послѣдней минуты. На самомъ дѣлѣ

это слогаобразующій краткій гласный; въ сванскомъ этотъ звукъ бываетъ и долгимъ и краткимъ. Этотъ краткій *з* отъ другихъ краткихъ гласныхъ отличается не количественно, а качественно: онъ недифференцированный звукъ, возникающій изъ затемненія *и* и *е*.

Въ *Словарь* на стр. 197 при мингр. словѣ *ოვოჯის* [ɑʋʋeɣɑ] указанъ греческій прототипъ *ἀποθήκη*, но нѣтъ основанія думать, что мингрелы заимствовали это слово отъ грековъ, а не изъ русскаго — «аптека».

Въ м. для выраженія «волось лошадиного хвоста» двѣ разновидности слова, одна коренная м. — *ჟუა* [dʒua], другая — заимствованная изъ г. *ჟუა* [dʒua]; въ *Словарь* на первое мѣсто поставлено заимствованное слово *ჟუა* [dʒua] (стр. 376), а при коренномъ м. *ჟუა* [dʒua] (стр. 416) лишь ссылка.

Нѣкоторая недоработанность мнѣ бросается въ глаза въ словообразованіи.

Такъ § 125 (на 0124 стр.): въ основныхъ формахъ примѣры черезчуръ малочисленны, напр., на шаблонъ *q̄mip* приводится одно слово *ობჟი-ჟ* [ʋʋim-u] *ольха*, при этомъ окончаніе *-u*, наличное въ этомъ названіи дерева, — вовсе не показано въ числѣ суффиксовъ. Между тѣмъ этотъ суффиксъ усѣченный, съ потерєю плавнаго *г* въ паузѣ, вм. *-ug*, что на лицо въ словѣ съ основою на тотъ же шаблонъ *ჟი-ჟი* [im-ug-i] || *ომ-ი-გ* [om-ug-i] *дикая слива, лыча*. Интересъ этого суффикса въ томъ, что названія деревьевъ имѣютъ нормально форму мн. числа, и мн. число на *-ug* || *-og* теперь установлено¹⁾, притомъ съ большимъ распространеніемъ, такъ, между прочимъ, онъ сохранился на противоположной, восточной окраинѣ Закавказья, — въ удинскомъ. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что у мингрельскаго языка вскрывается поразительное сходство въ фонетикѣ и морфологій съ языками восточнаго Кавказа, напр., съ тушинскимъ языкомъ, равно, какъ указываетъ самъ г. К. на стр. XV—XVI Предисловія, съ ингилойскимъ нарѣчіемъ грузинскаго языка.

Остановлюсь подробнѣе на одномъ принципиальномъ вопросѣ. Рѣчь о вліяніи родственныхъ языковъ на мингрельскій. Грузинскому г. К. отдается преимущественную роль по вліянію на мингрельскій языкъ. Эта мысль имъ владѣть и на страницахъ XIX-й—XX-й.

Я бы затруднился это утверждать, пока въ одной мѣрѣ съ грузинскимъ не выяснены отношенія къ мингрельскому другихъ яфетическихъ языковъ, напр., сванскаго.

1) Въ работѣ моей, появившейся въ печати послѣ труда г. К.: *Яфетическія названія деревьевъ и растений (Pluralia tantum)*, § 12, с. 2а¹ (Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1915, стр. 839).

На сванскіе элементы въ мингрельскомъ языкѣ, и лексическіе, и морфологическіе, г. К. обращаетъ вниманіе¹⁾, но матеріалъ по вопросу далеко не полонъ: наличный у г. К. сванскій матеріалъ не весь освѣщенъ.

ჭ-ჟგბჟაგოჟო чаквнджцы (стр. 343) представляетъ случай съ двумя суффиксами мн. числа, изъ нихъ -სტ [-ag] — сванскій.

Префиксъ ni-, напр. въ ბოჟოთი [ni-qiθ-i] *рыло* (стр. 343), также сванскаго происхожденія.

Не менѣе показателенъ лексическій матеріалъ.

а) ბეფს [beθ-a] *пещера* (стр. 203).

Слово сванское; по свански это *камень*: ბჰბ ბაფъ въ однихъ нарѣчіяхъ, ბჰბ beθ въ другихъ.

ბ) ბჟღე [dūge] *очень, сильно* (стр. 376), несомнѣнно, стоитъ въ связи съ св. ბჟღ დგოდ *большой, очень*.

в) ჭგოშობასი [tʃiθdag-i] *эллипсоидальный кукурузный хлѣбъ съ сыромъ* (стр. 388).

Въ цѣломъ рядѣ сванскихъ говоровъ слово ჭშღასი tʃiθdag значить *сырникъ*.

г) На стр. 374 при «ბეღი [ðel-i] *мясо безъ жиру и безъ костей*» у г. К. ссылака на «ბოღი [ðog-i] *трупъ, падаль*», что въ свою очередь на стр. 376 сопоставляется съ г. მ-ბოღი [m-ðog-i], მ-ბოღვი [m-ðovg-i].

Въ г. мы имѣемъ болѣе созвучныя съ м. ბეღი ðel-i слова:

- 1) ბეღი ðeg-i *коршунъ* [*< стервятникъ >*], какъ указываетъ Чубиновъ.
- 2) ბეღს ðeg-a *стервятникъ > коршунъ*.

И всетаки м. объяснять грузинскимъ не приходится, м. и г. разновидности этого слова воспроязвоятъ двѣ изъ трехъ сванскихъ діалектическихъ формъ его, притомъ въ сванскомъ оно значить въ однихъ нарѣчіяхъ *мясо*, въ другихъ *падаль*, что отразилось и на мингрельской семасіологіи:

Эти три нарѣчія — 1) шх, чл, гдѣ ბოღი ðog, 2) у, хл, ил, м, тх, гдѣ ბჟღე ðweg, 3) нижне-инг. (э. п, х), гдѣ ბეღი ðeg.

д) ბესჟი [pak-a] *ровное мѣсто, поле* (стр. 285, столб. 2-й).

Это, несомнѣнно, сванское слово: ბესჟი pak по-свански значить «ровный», «плоскій»; *равнина*. Отсюда глаголь ბეღობჟიჟი ზი-ლი-პკ-ე *выровнять, исправить, справить*, напр., дѣло и т. п.

е) 363, столб. 1-й, у г. К. приводятся три діалектическія разновидности мингрельскаго слова «лапти», именно ბჟღეღჟა ზაფი-la, ბჟღეღჟა ზაფა-la и ბჟღეღჟა ზაფი-a. Матеріалы, собранныя г. К. подъ этимъ словомъ, — интересны во многихъ отношеніяхъ.

1) სმ- ნვ *Словарь*, s. v.

1) Г-нъ К. указываетъ, что слово წავაღი [ვაფი-la] *лапти* означаетъ и *взятку*, я бы сказалъ «на чай», «награда» и т. п. Во-первыхъ, г. К. могъ бы сослаться на грузинскій языкъ, гдѣ ჭაღი *qalapan-1* *лапти* также употребляется въ значеніи «взятки»; г. К. могъ бы также сослаться на древне-литературный языкъ армянъ, гдѣ կաշիք *kōshk-q* *сапоги, обувь*, напр. у историка Фауста (кн. VI, 8, Пт., стр. 226,9), также употребляется въ значеніи «на чай», «взятка»¹⁾. Это — ἀπαξ λεγόμενον во всей древне-армянской литературѣ.

Популярность этого выраженія среди яфетическаго міра чрезвычайно важно установить и для толкованія одного эпиграфическаго памятника изъ Арменіи, именно Апаранской греческой надписи царя Тиридата, въ толкованіи которой М. И. Ростовцевымъ (Ашійская серия, № 6, стр. 19—24) слова «далъ . . . городъ Нигъ на сапоги», какъ то предлагалъ перевести Я. И. Смирновъ, могутъ получить оправданіе не столько въ обычаяхъ и установленіяхъ старо-персидскаго царства, сколько въ исконной традиціонной мѣстной фразеологіи.

2) Подъ этимъ-то словомъ у г. К. есть указаніе на его параллели въ грузинскомъ (Орб.: წავაღი [ვაჟილა]); но это же слово წავაღი *ვაჟილა* имѣется въ сванскомъ и въ значеніи *лаптей* и въ значеніи *взятки*, и это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что отъ него и произведена морфологически сванская форма ლევავაღი [Le-ვაჟი-le], приводимая г. К. какъ мингрельское названіе плоскогорья въ селѣ Джваръ. Все это — сванскія переживанія въ мингрельскомъ языкѣ.

ж) ერცქვი *erǰqvi-1* *туръ* (стр. 232).

Несомнѣнно, это слово, у мингреловъ означающее, судя по словарю г. К., *туръ*, собств. *кавказскій туръ* (*sarqa caucasica*), имѣемъ въ сванскомъ ერსკვი *erskvan*, что, однако, означаетъ *серну*. Сванское же ერსკვი *erskvan* представляетъ вполне закономѣрный эквивалентъ грузинскаго არფი-1 *arǰv-1*, что также значитъ *серна*.

При корениномъ грузинскомъ არფი-1 мингрельскій эквивалентъ долженъ бы звучать, это хорошо извѣстно г. К., *არსქვი **arǰqv-1*, какъ, напр., *барсукъ* въ грузинскомъ მარფი-1 *marǰv-1*, а въ мингр. მურქვი *murǰv-1* или მურსქვი *murǰqv-1*, съ перерожденіемъ о въ и при губномъ ш

з) ჭიბი *chibi* (стр. 345) объясняется какъ грузинское слово, на самомъ дѣлѣ коренное грузинское, т. е. картское, слово въ значеніи *жира, сала* — ჭიბი-1 *chibi-1* < *chibi-1 , а qon (< *qwen) представляетъ закономѣрный сваи-

1) Եր Խի Կաշիք Լիթի .

ский эквивалентъ; мингрелы, какъ и грузины, очевидно, заимствовали его изъ сванскаго.

і) Основа ჯუბ qup || ჯუბ qvep *прикрывать, одѣвать* (стр. 346) опять таки сванскаго происхожденія: это сванское qwm, такъ же заимствованное и грузинскимъ, древне-грузинскимъ, ибо коренной грузинскій эквивалентъ ჯwm: ჯუბ ჯმა *одѣвать*.

Какъ видно, сванскія слова начинаютъ принимать угрожающіе размеры.

То же самое можемъ ожидать и со стороны абхазскаго.

Достаточно сказать, какое сильное этническое вліяніе абхазовъ на мингреловъ сказывается уже въ томъ, что масса, казалось бы, чисто мингрельскихъ фамилій (хотя бы въ спискѣ І. А. Кишидзе на стр. 423—424) проявляетъ въ составѣ слово -ჯს -*ва сынъ*, представляющее и по своему виду, и по кореннымъ чисто абхазское достояніе.

Остановлюсь еще на вліяніи абхазскаго въ морфологіи, такъ, напр., въ § 127, x (стр. 0127).

а) У г. К. приводится суффиксъ -ბჟ [-qiu] «для образованія уменьшительныхъ или ласкательныхъ именъ». Этотъ суффиксъ — абхазское слово ჟღ *маленькій*, съ потерей послѣдняго согласнаго.

б) Въ § 120, b (стр. 118) г. К. приводитъ предлогъ ალა- [ala-] *съ боку, рядомъ* въ глаголахъ.

Это чистѣйшее абхазское слово, однозначущій предлогъ, отъ коего и происходитъ глаголъ абх. aladaga.

в) Въ § 120 (стр. 0120) г. К. отмѣчаетъ предлогъ ჯკლ kila > ჯკლ kela въ глаголахъ со значеніемъ *сквозь, черезъ*.

Это безспорно абхазскій предлогъ kəl съ тѣмъ же значеніемъ.

г) Въ § 120 (стр. 0118) у г. К. подъ рубрикой б) рядъ предлоговъ въ глаголахъ აკო- [ako-], იკო- [iko-], ოკო- [oko-] въ значеніи *вмѣстѣ, оаимно, съ, совершенно*.

Вѣрно, что эти предлоги имѣютъ общую часть, это — ჯ [kə] *одинъ*, абх. съ префиксомъ а-: აკ *одинъ*, въ языкѣ 2-й катег. Ахеменидскихъ клин. надписей: kīg *одинъ* и т. п. Есть (г. К. хорошо извѣстные) и въ грузинскомъ эквиваленты.

Г-нъ К. самъ пишетъ въ § 35 (стр. 036), что въ мингрельскомъ въ значеніи «одинъ» «на ряду съ აგო [agθ-1]... употребляется აკ [aka] (абх. აკ [akə]). Это-то числительное აკ, собственно его абхазскую основу kə и имѣемъ въ перечисленныхъ предлогахъ, причемъ აკო- сложное мингрельско-абхазское слово в. м. აკ ჯკ, и оно означаетъ буквально «одинъ одного» въ

смыслѣ *друг друга, взаимно*, какъ г. ᠠᠷᠠᠳᠠᠳᠠᠳᠠᠳᠠ, арм. новое *არდა* или древне-лит. (хайское) *არდა* и т. п. Въ свою очередь другое абхазское слово для того же понятія *ადә* *одинъ*, при исторіи плавнаго г (> -) въ абхазскомъ естественно возводимое къ прототипу *arđ-w, представляет явное заимствованіе изъ мингрельскаго, пересадку на абхазскую фонетическую почву мингрельскаго *arđ-, откуда съ одной стороны м. ᠠᠷᠠᠳᠠᠳᠠᠳᠠ (> *arđ-1 < *arđ-1, съ первичнымъ видомъ именного окончанія *arđ-u), съ другой — м. ᠠᠷᠠᠳᠠᠳᠠᠳᠠ ᠠᠷᠠᠳᠠᠳᠠ ᠠᠷᠠᠳᠠ *всѣ, все*, собственно *вмѣсть, во-едино* (ср. г. ᠠᠷᠠᠳᠠᠳᠠᠳᠠ).

д) Въ *Словарѣ* (стр. 197) при мингрельскомъ словѣ *არდა* указано грузинское его происхожденіе. Очевидно, г. К. имѣеть въ виду г. *არდა* *арда* въ значеніи *паруса*, но это слово, какъ теперь выяснилось, абхазскаго происхожденія¹⁾.

Можно бы долго еще продолжать выявленіе сванскихъ и абхазскихъ словъ и выраженій въ мингрельскомъ. Между тѣмъ, г. К. пишетъ въ предисловіи на стр. XX-й, будто въ мингрельскомъ—«весьма мало заимствованій изъ абхазскаго и сванскаго языковъ».

Вѣрно, что это все стало извѣстно по напечатаніи 197-й страницы труда г. К., но таково состояніе нашей науки: намъ приходится считаться не только съ тѣмъ, что сдѣлано, но и съ тѣмъ, что можетъ быть сдѣлано или уже намѣчается къ разработкѣ, и не слѣдуетъ предупреждать обобщеніями невыясненное еще фактическое положеніе дѣла.

Приведенныя замѣчанія, однако, имѣли въ виду не указаніе, какъ на дефектъ, на отсутствіе въ книгѣ разрѣшенія всѣхъ очередныхъ вопросовъ сравнительной грамматики яфетическихъ языковъ, а, наоборотъ, указаніе на присутствіе въ ней искусно подготовленнаго богатаго матеріала для ихъ разрѣшенія. Г-нъ К. и не отказывался отъ попутныхъ экскурсовъ въ область сравнительной и исторической грамматики, но настоящая работа, какъ предупреждаетъ и самъ авторъ, «въ основѣ своей описательная».

Впрочемъ эта характеристика вызываетъ возраженіе. Если даже не будемъ препираться изъ-за слова «описательная», то подъ нимъ приходится понимать не фотографическое внѣшнее описаніе, а творческое научное описаніе съ идейнымъ отношеніемъ къ явленіямъ и научными ихъ опредѣленіями на основѣ яфетическаго языкознанія.

Г-номъ К. глубоко усвоены не только внѣшніе приемы, техника, но и су-

1) Н. Марръ, *Абхазское происхожденіе грузинскаго термина родства* *ბიდა* *дидя* (Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1914), стр. 143.

щество яфетической теории. Въ немъ мы имѣемъ совершенно зрѣлаго яфетидолога-лингвиста, какъ то доказывали его же работы по грузинскому языку—опытъ грамматики ново-грузинскаго языка (литографированный, 1911) и особенно критика текста къ образцовому изданію съ прекраснымъ русскимъ переводомъ *Житія св. Антонія Раваха* на страницахъ Христіанскаго Востока (II, стр. 54), въ каковомъ изданіи компетентный агіологъ о. Peeters нашелъ одинъ недостатокъ, да и тотъ поставленный на видъ не г. К., а нашей школѣ, надо думать, не безъ основанія: недостатокъ этотъ, по словамъ благожелательнаго критика, чрезмѣрное увлеченіе точностью, заботящейся исчерпать матеріалъ, между тѣмъ, по его мнѣнію, отказавшись отъ намѣренія все сказать, можно бы сохранить за каждой подробностью степень ея относительнаго значенія¹⁾). Въ яфетической лингвистикѣ, къ сожалѣнію, мы находимся еще въ слишкомъ начальной стадіи разработки, чтобы предрѣшать «рангъ относительной важности каждой изъ деталей» (*son rang d'importance relative*).

Настоящимъ же трудомъ, недостаточно сказать, что г. К. вносятъ въ изученіе одного изъ яфетическихъ языковъ не имѣющій пока себѣ равнаго по цѣнности вкладъ. Сама яфетическая грамматика съ появленіемъ этой книги становится не тѣмъ, чѣмъ она была раньше. И приращеніе яфетической теории въ первую голову должно пойти по линіи использованія фактовъ и освѣщеній, накопленныхъ въ предложенномъ трудѣ.

Конечно, трудъ г. К. еще далекъ отъ возможныхъ и назрѣвающихъ для яфетидологіи достижений. Молодому ученому предстоитъ еще большая работа надъ поднятіемъ своихъ матеріальныхъ знаній въ уровень съ широкимъ горизонтомъ такъ прекрасно усвоенной имъ теории яфетическаго языкознанія и ея запросовъ. И всетаки я не откажусь печатно повторить мое мнѣніе о научныхъ достоинствахъ книги. Факультетъ Восточныхъ языковъ автора ея удостоилъ степени магистра грузинской словесности. Однако, «если бы она была представлена въ качествѣ диссертации на степень доктора грузинской филологіи, авторъ ея также со спокойной совѣстью могъ бы быть удостоенъ высшей ученой степени, какъ сейчасъ я нахожу его вполне заслужившимъ степень магистра грузинской филологіи».

Н. Марръ.

1) L'autobiographie de S. Antoine le néo-martyr; (Analecta Bollandiana, t. XXXIII—fasc. I), стр. 53.